

Умереть мне лучше! Будет знать, кто я!»
 Эти все слова слезкою одною,
 вытерши насилу из своих двух глаз,
 тотчас утолят; хитростью ж такою
 до того способно приведет и вас,
 что сам перед ней станете виниться,
 чем и не захочет наказать она,
 должны будут вам казни полюбиться,
 скажите, что ваша больше тех вина.

Федрий.

О! Зло, я теперь чувствую уж ясно,
 что она плутовка, и что мне беда.
 И сержусь на ту, и люблю пристрасно:
 знаю, смышлю, вживе, вижу без труда;
 а однак и с тем только погибаю!
 Что мне делать ныне, и куда пристать;
 нет на то ума, и отнюдь не знаю.

Парменион.

Что вам делать надо? От нее отстать;
 цула ж и не дав, из такой неволи
 уходить как можно; иль уж малым чем
 выкупить себя: Бude ж не на голи
 откупаться должно; скольким можно, тем
 откупайтесь вы; больше ж не печальтесь.

Федрий.

Добр совет твой прямоль!

Парменион.

Лучшей изо всех.

Но притом еще по себе вы сжальтесь,
 не давайте сердцу новых как прорех,
 язвы так любви сильно все сносиге.

Но вот пропасть статкам нашим всем идет,
 прямо ж и сюды, сами посмотрите:
 та одна доходы собственны нам жрет.